

П.К. ГРЕЧКО

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: ПРОБЛЕМА ДИСЦИПЛИНАРНОГО СТАТУСА*

В современной науке много и справедливо говорят о междисциплинарных исследованиях. На стыке общественных, естественных и технических дисциплин возникают различные комплексные исследования, имеющие единую или сквозную проблематику. Среди прочего это означает, что наука ныне все больше и больше строится не по предметно-дисциплинарному, а по проблемному принципу. Главное — уловить и идентифицировать проблему, а уж из каких направлений, школ, дисциплин и какие конкретно методы для ее решения привлекаются, не суть важно. Приветствуется любая информация, пусть даже и из «Поля чудес», если только она работает на изучаемую проблему.

Сказанное, казалось бы, делает ненужными дисциплинарные демаркации в науке, всю эту цеховщину, все эти нескончаемые споры о дефинициях объектов и предметов анализа, о ведомственной принадлежности тех или иных «кусков реальности». Размежевание предметных областей исследования, по этой логике, даже вредно, поскольку оно возводит ненужные барьеры на пути свободного перемещения образов, идей, концепций, форм и методов познания. Некоторые авторы ставят даже вопрос о наступлении постдисциплинарного этапа в развитии научных дисциплин.

В действительности ситуация много сложнее. Междисциплинарность, проблемная структурализация познаваемого — лишь часть или одна сторона идущих в современной науке процессов. Обобщенно ее принято называть интеграцией. Другая, не менее важная (хотя можно сказать и больше — ведущая), их сторона — дифференциация, появление новых, все более узких, предметно, а также методически специализированных дисциплин и направлений. Встречаются, впрочем, и по-своему дифференцирующие исследовательские укрупнения, но они редки.

Дифференциация — это, иначе говоря, разделение труда в науке. Оно очень важно как для повышения эффективности исследовательской де-

---

* Статья опубликована в журнале «Личность. Культура. Общество». 2006. Т. 8. Вып. 4. С. 71-81.

тельности (общеизвестная зависимость), так и для ее полноты (выявления и «граничного» закрепления всех сторон изучаемой реальности). Нельзя не сказать в данной связи и о еще одном достаточно значимом обстоятельстве – институциональном. Имеются в виду концептуальные грани (импликации) таких организационных формирований, как исследовательские институты и центры, отделы, секции, лаборатории, кафедры и т.д. Продолжающаяся дифференциация в науке их с необходимостью умножает. Почти атрибутивная составляющая любой институционализации – материальное обеспечение, прежде всего финансы. Ресурс всегда ограниченный, а в не лучшие времена и вовсе дефицитный. Для оптимального распоряжения им важно не поддаваться соблазнам модных настроений и вкусов, определиться с приоритетами, набраться мужества и быть готовым – там, где это нужно – выбирать, а следовательно, чему-то отказывать, что-то выделять и поощрять. Так что дифференциация значима с разных точек зрения, в науке она не всегда и не только дело научное. Вокруг нее идет борьба, кипят нешуточные страсти.

Нельзя игнорировать здесь и терминологический аспект проблемы. Термины, терминология – вещь в науке, несомненно, важная. От прозрачности, концептуальной и аналитической выверенности терминологии в немалой степени зависит ясность и четкость мысли. Как известно, мыслительный процесс термины не только оформляют, но и формируют. Впрочем, эта сторона научной работы тоже имеет свои ограничения: от терминологизма, т.е. игры в дефиниции, исправления и умножения имен, страдают предметность и методичность исследования.

Развивая сказанное, отметим, что все-таки определяющие аргументы для предметно-дисциплинарного размежевания в науке должны «браться» из структурной динамики самого исследовательского процесса. Материал для ее анализа может быть разный, но нас здесь интересует социально-гуманитарная сфера, в ориентации на нее поэтому и будет строиться дальнейшее изложение.

Динамическая структура исследования, если рассматривать ее в самом общем виде, включает в себя два относительно самостоятельных плана, или движения: вверх и вниз. Вверх – это поиск общего в частном (единичном), ноуменального (сущностного) в феноменальном, странного (неожиданного) в привычном, интерсубъективного в субъективном, имперсонального в персональном. Вниз – это поиск в обратном направлении: частного в общем, феноменального в ноуменальном и т.д. Конкретная исследовательская траектория создается реальной логикой взаимодействия данных поисков или движений. Она может быть параллельной, попеременной, одновременной, поперечной (если одно движение разви-

вається в длину, а другое в ширину), ризоматической (творчески хаотической), вообще любой.

Движения вверх и вниз можно трактовать также как обращение к коррелятивно разным методам или способам познания: обобщению (выявлению единства) и спецификации (выявлению различий, их миграции и конкуренции). Обобщающее движение вверх начинается с «сырых» данных, которые затем организуются в концептуальные структуры объяснения, получающие дальнейшее (завершающее) развитие в теории. Специфицирующее движение вниз повторяет этапы, или уровни, движения вверх, но заканчивается уже не исходными и потому сырыми данными, а знанием конкретного в инклюзивной полноте его общих и единичных аспектов.

О теории, теоретической составляющей здесь стоит сказать особо. Ее роль велика на всех этапах, или уровнях, исследования. Даже исходно собираемые данные в той или иной мере теоретически (по меньшей мере, в форме гипотезы — зародыша теории) нагружены. Теория в меньшей (естественно, на фоне других исследовательских образований) степени привязана к реальности и той онтологической упругости (неотменяемости, принудительности), которая в ней заключена.

В теории больше неопределенности и открытости, в субъектной плоскости — творчества и свободы, неразрывно связанных, в свою очередь, с воображением, идеальным конструированием, выдвиганием «сумасшедших идей» и гипотетических перспектив. В дополнение к эмпирическим основаниям у нее есть собственные — рефлексивные ресурсы для саморазвития. И это позволяет формировать теории разного порядка (этажности), начиная с первой, или предметной, и кончая «предельной», или философской. В данном плане мы можем перенести идею Р. Мертоня о теориях среднего уровня как посредника между эмпирическим и теоретическим уровнями социологического исследования на все социально-гуманитарное знание.

Логично предположить, в свете сказанного, что между конкретными социальными науками и социальной философией как теорией «предельной реальности» (гранд-теорией) располагается теория среднего уровня. Назвать ее можно, опираясь на уже сложившуюся терминологию, социальной теорией¹. Хотя термин этот неоднозначен.

В западной, особенно англо-американской, литературе у «социальной теории» три основных смысла:

---

¹ См.: Parker J. et al. Social Theory: A Basic Tool Kit. N.Y., 2003; Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. М., 2003.

1) самый *общий* – коллективное имя для всех социальных наук (экономика, политическая теория, социальная психология, культурная антропология, история и т.д.);

2) *неспециальный* – макроскопические теории общества (социально-концептуальная рефлексия таких авторов, как К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ю. Хабермас, Э. Гидденс, М. Кастельс и др.);

3) *специальный* – академическая дисциплина, предметно самостоятельная относительно всех социальных наук.

Общая же терминологическая картина еще более разнообразна. В некоторых текстах «социальная теория» идет как синоним «социологии», «социологической теории», «теории общества». Кроме того, принято выделять социальную теорию в рамках социологического знания. Ее здесь представляют как парадигму, концептуальную модель, теоретическую перспективу – короче, как способ целостного видения социального мира (человека и общества), как совокупность регулятивных идей о характере и механизмах развития социальной реальности.

Выделяют четыре основные теории-парадигмы:

1) *структурно-функциональная* (акцент на взаимозависимости различных частей общества и обществе как целом; человек – существо реактивное, он в основном отвечает на вызовы и требования социальной среды);

2) *социально-конфликтная* (внимание концентрируется на напряжениях, создаваемых структурным неравенством различных социальных групп и неравномерными социальными изменениями; отношения между людьми трактуются в терминах доминирования и субординации);

3) *символически-интеракционистская* (общество как сеть смыслооцененных взаимодействий между людьми);

4) *теория социального обмена* (общество представлено людьми, которые вовлечены в процесс обмена ресурсами, удовлетворяющими их потребности и интересы).

К четырем названным парадигмам иногда добавляют *социодраматургический подход* (dramaturgical analysis) Э. Гоффмана и *этнометодологию* Г. Гарфинкеля².

Из всех названных выше смыслов «социальной теории» для обсуждаемой нами проблемы ближе всего смысл специальный, т.е. мы определяем ее как отдельную академическую дисциплину. Такой подход привлекателен прежде всего своей предметной самостоятельностью, нет опасности

---

² Подробно об этом см.: *Maconis J. Sociology*. New Jersey, 1987. P. 16-20; *Popenoe D. Sociology*. N.Y., 1974. P. 13-18; *Haralambos M., Heald R. Sociology: Themes and Perspectives*. Delhi, 1981. P. 9-18, 521-559.

выйти за границы, оказаться на чужом исследовательском поле. Адресоваться же к западной литературе мы предпочитаем потому, что именно в ней в наибольшей степени представлена интересующая нас предметность (познавательное освоение реальности), в условиях и на основе которой лучше всего разрабатывать идентифицированную нами проблему.

Как самостоятельная академическая дисциплина социальная теория отвечает на вопрос о *природе и «механизмах работы» мира социального — посредством или на пути разработки концептуальных средств для объяснения его различных манифестаций*. Набор этих средств может быть разным — все зависит от конкретных целей и задач исследования, а также от мировоззренческих и методологических предпочтений автора. В качестве базовых чаще всего называются такие теоретические концепты, как «индивиды», «природа», «культура», «действие» и «социальная структура»³. Именно действия производят культуру и социальную структуру, в которых рождается индивид и через которые выявляет свою историческую релевантность природа.

Эксплицитность, корректность и тщательность, с которыми разрабатываются здесь все теоретические концепты, свидетельствуют о том, что социальная теория является *аналитической дисциплиной* или, по-другому, социальной наукой. Об этом, в частности, говорит и тот факт, что даже в специальных текстах «социальная теория» и «социальная наука» идут как взаимозаменяемые термины⁴. Будучи аналитической дисциплиной, социальная теория занимается обнажением и «шлифовкой» базовых структур социального объяснения, проще говоря, парадигмальных инструментов осмысления проблем, с которыми сталкиваются люди в своей жизни, а исследователи — в своей познавательной деятельности.

Западная культурная традиция, как известно, отличается очень специфическим — доверительным, прямо-таки трогательным — отношением к науке. И если что-то называется наукой, то это всегда очень серьезно и ответственно. Весьма примечательна в данном отношении такая деталь. В англоязычной литературе специалиста в гуманитарной сфере обычно называют не *scientist*, а *scholar*. Мы такого терминологического различия не делаем. Это видно также и из того, что социальные и гуманитарные исследования в нашей стране в одинаковой мере называются науками.

---

³ См., например: *Parker J. et al.* Op. cit. P. 4-5, 177-187.

⁴ См.: *Social Theory Today* / Ed. by A. Giddens, J.H. Turner. Stanford, 1987. P. 1-10. См. также: *Резник Ю.М.* Цит. соч. С. 9, 488 и др.

Западная культурная традиция в этом отношении более нюансированная. *Humanities* есть *humanities*, истоками своими они восходят к искусствам (*arts* как оппозиция научному, техническому и профессиональному мастерству, как риторика и словесное творчество). В них допустимы и не собственно научные подходы, такие, например, как индивидуация, эмпатическое понимание, гипертекстуальное толкование, отличающиеся повышенным вниманием к уникальному и неповторимому.

Признавая оправданность разграничения социальных и гуманитарных наук, мы все же являемся сторонниками их инклюзивного единства, схватываемого уже употреблявшимся выше термином – «социально-гуманитарное знание». Объяснение весьма простое: перед нами всегда общественный человек и человеческое (из людей, их деятельности состоящее) общество. Человеческой реальности вне социального и культурного ее контекста просто не существует, как, впрочем, и наоборот: социальное повисает в воздухе, превращается в безжизненную схему вне той или иной связи с человеческим миром.

Но вернемся к статусу социальной теории как науки. Внимание к объективному научному знанию в западной культурной традиции нужно рассматривать в контексте общеисторической тенденции «расколдовывания мира» (М. Вебер), или победы логоса над мифом. Складывалась эта тенденция постепенно и неравномерно. Были здесь свои подъемы (Античность) и падения (Средние века). Особенно уверенно процесс утверждения позиций логоса, или разума, рационализации, пошел в Новое время.

В форме социологии О. Конта произошло первое крупное наступление логоса-разума, науки на социально-гуманитарные исследования, дольше других отраслей знания оставшегося под влиянием мифологического сознания. В результате учение об обществе и человеке обогатилось двумя очень важными требованиями (параметрами): опорой на факты и практической полезностью (работой на прогресс). В нынешнем, втором крупном наступлении науки на социально-гуманитарное знание на первый план выходят логико-методологические и лингвосемантические требования или критерии.

На наш взгляд, именно социальная теория представляет сегодня этот процесс в максимально возможном его выражении (возвышении). Иными словами, социальная теория олицетворяет собой тот предел, до которого дошла (возможна) в наши дни наука в постижении человека и общества. Называя социальную теорию наукой, профессиональное сообщество подчеркивает значимость intersубъективных процедур, универсально-стандартных ценностей, норм и идеалов.

На социально-теоретическом уровне познания исследователи имеют дело не столько со строящимся научным зданием, сколько с его никогда не убираемыми строительными лесами. Здесь предметно-содержательное «что» до предела насыщается инвестициями со стороны технико-методологического «как». Это движение от субстантивности, т.е. изучения сущностей – реальностей, имеющих имманентное основание и потому выделенное (самостоятельное) существование, к аналитичности, т.е. прояснению путей и инструментария такого изучения, развернутого теперь на всесторонний разбор контекста, связей и зависимостей данного существования. Это, далее, дисциплинарно оформившийся процесс онаучивания социально-гуманитарных дискурсивных практик.

Социальная теория, однако, социально-гуманитарное знание не завершает. Собственно, завершает она «физику», а есть еще, как мы установили, социальная философия, то есть метафизика. Как термин «физика» обозначает здесь все научное, так или иначе удостоверяемое знание и подчеркивает специфику метафизического, умозрительно-спекулятивного знания. В «физику» входит предметное знание эмпирического и теоретического порядка. Эмпирическое знание выходит непосредственно (насколько такая непосредственность вообще доступна человеку как познающему существу) на действительность саму по себе, знание теоретическое имеет дело с ее познавательными идеализациями и конструктами. На этом уровне обзревается, а где возможно, и четко фиксируется предметно-проблемное поле исследования. Ступенькой выше в рассматриваемой «физической» вертикали располагается знание чисто теоретическое, в нашей терминологии – социально-теоретическое. В каком-то смысле это знание о знании. Его назначение можно определить как выявление природы предмета и адекватности метода (способов и перспектив) социально-гуманитарного познания. На данном уровне познания до конца (предела) вырабатываются его собственно научные возможности.

Метафизика завершает дисциплинарно дифференцированную вертикаль (движение вверх) социально-гуманитарного знания. Завершает, надо подчеркнуть, в нашем, структурно-восходящем изложении. В живом же познавательном процессе (где есть и движение вниз), а не в его изложении, метафизическое знание «идет в основание», конституируется как фундирующая глубина.

На метафизическое знание нужно обратить особое внимание. Дело в том, что отношение к нему неоднозначное, и не только в нашей, отечественной литературе. У нас оно просто отягощено марксистско-ленинским наследием, в частности трактовкой метафизики как антидиалекти-

ки, как абстрактной, застывшей в неизменных понятиях и принципах системы. Некоторых это наследие до сих пор держит в плену.

В западной культурной традиции борьба против метафизики началась под флагом позитивного научного знания. Ключевая фигура здесь, конечно, О. Конт. Антиметафизический энтузиазм отца-основателя социологии (как «социальной физики», заметим) получил широкую поддержку. Время превратило ее в целую методологическую установку. Смысл ее достаточно прост: нельзя отвлекать науку на проблемы, не имеющие доказательного, т.е. научного, решения. Это не только напрасная трата сил, и без того ограниченных, но и размывание аморфными метафизическими проблемами научных стандартов, норм и идеалов познания.

Антиметафизическая установка особенно сильна в постмодернизме — современной философии радикального плюрализма, решительного движения от универсализма к релятивизму. Антифундаментализм, ориентация на «поверхностную реальность», деконструктивистская пролиферация различий, неумная страсть к «языковой игре», семантической неопределенности всевозможных оттенков и нюансов мысли — все эти черты постмодернизма находятся в явном противоречии с метафизикой и ее бытийной укорененностью.

И что же — метафизика ушла, исчезла с исторической арены познания? Как бы не так! Метафизика умерла — да здравствует метафизика! — так можно было бы представить ее современную ситуацию. Выходит, метафизика неустранима. Ее в дверь, а она в окно. Так в чем же дело, откуда такая непоколебимость, такая поразительная живучесть? Требуется объяснение. И оно вообще-то есть.

Человек — конечное существо. Во всех смыслах — онтологическом, экзистенциально-личностном, эпистемологическом. Будучи конечным, он и постигает всегда только конечное, т.е. ту или иную часть мира. Но часть потому и часть, что она — часть целого. Нельзя знать часть, не зная хоть в какой-то мере целое. Наш познавательный аппарат работает именно по такой логике. Целое, однако, бесконечно. Значит, мы познаем часть в перспективе бесконечности, чаще всего потенциальной, но в форме акцентированной проблемы, и актуальной. Научными, «физическими» средствами овладеть ситуацией «конечного в бесконечном» нельзя. На помощь как раз и приходит метафизика с ее «предельным» вопрошанием, с выдвиганием, как пишет Э.А. Орлова, «гипотез о мире»⁵.

---

⁵ См.: Орлова Э.А. Основания научного познания культуры в социальной антропологии // Наука о культуре и социальная практика: антропологическая перспектива: Сб. трудов. М., 1998. С. 40-62.

Метафизические гипотезы о мире могут быть только умозраительными, спекулятивными. За ними стоит интуиция целого – мира как целого. Целое радикальнее и глубже целостности. Как нераздельность единства целостность имеет место (так оно чаще всего и бывает) и в рамках конечного (части). Целое же – в смысле мира как целого – ориентировано на полноту, а значит, и какое-то завершение бесконечного. В подобном завершении – оконечивании бесконечного, безусловно, содержится определенное насилие над самой его природой (над бесконечностью как реальностью). Процедура эта не знаниевая (для знания самого по себе логично идти в дурную бесконечность), а властно-волевая, но ведь и природа бесконечного задается реальностью, а не знанием о ней. Реальностью можно овладеть реальным же образом – выходящим в мир действием.

Мир как целое – это не обязательно вся, земная и космическая, реальность. Да и целое здесь не менее важно, чем мир. В качестве мира может выступать и отдельная область явлений или предметов. Скажем, общество как мир социального, социальности. Такой мир также бесконечен, пусть и не в пространственном, а во временном (потенциально-временном) смысле – как история, исторический процесс. Целое применительно к обществу мы получаем тогда, когда, во-первых, рассматриваем его как развивающуюся, идущую вперед реальность, а во-вторых, и это главное, пытаемся ответить на вопрос «Куда оно, как история, идет?», естественно перерастающий, если доводить мысль до логического конца, в вопрос «Куда оно в исторической перспективе придет?». Ясно, что выведением будущего из прошлого и настоящего или экстраполяцией, т.е. перенесением знания с уже известной истории (части) на «всю историю» (целое), тут не обойтись. Идея целого истории (общества в его развитии), пишет в данной связи Р.Дж. Коллингвуд, «принадлежит каждому человеку в качестве элемента его сознания, и он открывает ее у себя, как только начинает осознавать, что значит мыслить»⁶.

Целое истории не вычисляют – его выбирают, предпочитают. А выбирать есть из чего. «Как целого» в истории – и в качестве реального жизненного процесса, и в качестве науки истории – много. Целое истории может быть циклическим, линейным, спиральным, ризоматическим и т.д.⁷.

Важно обратить также внимание на то, что в когнитивном плане метафизическое целое истории носит не экстенсивный, а интенсивный характер. Метафизике претит количественный вал действительности, перечис-

---

⁶ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980. С. 237.

⁷ Подробно об этом см.: Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М., 1995. С. 26-117.

ление всего и вся, она всегда «зрит ввысь», в звездное небо над головой, по Канту. Поскольку угол возвышения остается неизменным — метафизическим, то и получается, что чем выше, тем шире и полнее охват реальности — конусообразно нисходящими лучами метафизического разума.

Итак, без контекста, пусть даже фонового, целого исследование части (частей) невозможно. Его успешное формирование как раз и обеспечивает фундаментальное метафизическое вопрошание. Социальная теория в структуре (вертикали) социально-гуманитарного знания завершает исследование частей. Открывающийся на этом уровне предметный горизонт, задаваемый в конечном счете логикой части (частей), можно считать максимально возможным (на этом уровне постижения социально-исторической реальности). В дальнейшем он расширяется, но уже за счет метафизического ресурса познания, логики собственно целого («как целого»). Метафизика имеет дело с предельной или последней и потому завершающей реальностью целого.

В отличие от социально-теоретического, или научного, метафизическое расширение горизонта исследования следует назвать социально-философским. Здесь можно было бы поддержать Ю.М. Резника, настаивающего на том, что социальная теория по своей сути является формой интеграции социально-философского и социально-научного знания⁸. Однако у выражения «форма интеграции» есть один смущающий нас момент. Создается впечатление, что социальная теория идет дальше не только конкретных социальных наук, но и социальной философии, что спорно. Возможно, эту самым фактом срединности имплицитную взаимосвязь лучше трактовать в терминах подъема, а не синтеза или междисциплинарной интеграции.

В то же время хотелось бы заметить, что синтезу и интеграции здесь действительно можно найти место, но только — по отношению к конкретным социальным и гуманитарным наукам. Мы согласны в данной связи с учредителями Международного консорциума по социальной теории (The International Social Theory Consortium), которые в своем первом информационном бюллетене заявили, что социальная теория представляет собой «совокупность (body) мультидисциплинарной рефлексии и критики»⁹. По сути, эту же идею отстаивает и Wikipedia Free Encyclopedia: «Хотя многие комментаторы видят в социальной теории отрасль социологии, она в своей основе функционирует в интердисципли-

---

⁸ См.: Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М., 2003. С. 399, 414.

⁹ <http://www.uky.edu/AS/SocTheo/Newsletter/Sum2001.pdf>

линарной манере»¹⁰. Социальная теория и в самом деле является трансдисциплинарным пониманием ключевых проблем современной социальной мысли.

Кроме того, все синтезы и интеграции в современном, или постмодерном, мире имеют одну примечательную особенность: они устанавливаются не в результате гегелевского «снятия» или аналитического коррелирования, а в процессе диалогической (полилогической) коммуникации. Нельзя не согласиться здесь с тем, как представлена социальная теория в исследовательской сети Европейской социологической ассоциации: это, оказывается, не только самостоятельная область познания, но и форма диалога с эмпирическим исследованием конкретных обществ, с одной стороны, и гражданским дискурсом — с другой¹¹.

Введение социальной теории в структуру социально-гуманитарного знания снимает некоторые проблемы, в частности, недовольство социальной философией со стороны представителей конкретных социальных наук. По их ощущению, у социальной философии нет ни конкретных ответов, ни точных методологических указаний. Что ж, недовольство понятное, хотя и следует заметить, что значительную часть его можно отнести на счет недопонимания: обращение («возвышение») к социальной философии богато эвристикой, но не конкретными решениями. Последние возможны как раз на других, более низких и предметно определенных уровнях социально-гуманитарного знания.

Ближайшим и более эффективным образом социальные науки могли бы ориентироваться социальной теорией, концептуальными продуктами ее действительно научных усилий. Но она у нас пока в зачаточном состоянии, открывающийся здесь фронт работ только начинает осознаваться. Вакуум же «пропущенного звена» очевиден для всех. И он заполняется — часто тем, что под рукой, что уже как-то известно. Вот что по этому поводу пишет, в частности, А.А. Давыдов: «...Трудности использования понятия “общество” в социологии вытекают из того обстоятельства, что понятие “общество” заимствовано социологией из социальной философии и до настоящего времени во многом базируется на ее онтологических и гносеологических принципах. Вследствие этого, многие определения понятия «общество» выступают в качестве некоторого качественного «ярлычка», мало пригодного для эмпирического изучения»¹². Автор ищет другую, более «работающую» методологию и находит ее в

---

¹⁰ http://en.wikipedia.org/wiki/Social_theory.

¹¹ <http://www.valt.helsinki.fi/esa/theory.htm>.

¹² Давыдов А.А. К вопросу об определении понятия «общество» // Социс. 2004. № 2. С. 12.

общей теории систем. Что получилось и насколько убедительно – судить вам: «Общество – это определенный тип системы, состоящий из разнородных взаимосвязанных элементов и подсистем, свойств и отношений, созданной индивидами на основе механизма обратной связи, целью которой является реализация экстремальных принципов в жизнедеятельности индивидов с помощью законов, действующих в определенных границах»¹³.

По всему видно, что социальная теория в отечественном общественном знании (социально-гуманитарном знании) еще не заняла подобающего ей места, а ее эвристический потенциал, ее концептуальные возможности и методологические перспективы не столь привлекательны, как, скажем, в западной литературе или как хотелось бы нашим ее разработчикам.

В заключение необходимо сказать следующее. Социальную философию и социальную теорию нельзя отрывать друг от друга, они глубоко взаимосвязаны. В то же время им не откажешь и в относительной самостоятельности. Тем более что речь идет о разных типах исследования: метафизическом в случае социальной философии и «физическом», собственно научном, в случае социальной теории. В такой ситуации можно ставить вопрос о коэволюции социальной философии и социальной теории, т.е. о таком совместном развитии этих дисциплин, когда каждой позволено заниматься своим делом: социальной философии – спекулятивно-метафизическим «возвышением» реальности, социальной теории – постижением мира в терминах науки, ее ценностей, норм и идеалов. Развиваться, не мешая друг другу, – наоборот, позволяя выявлять свою специфику, подчеркивая свое право быть отличной, другой.

---

¹³ Там же. С. 14.